

О ВКЛАДЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА В ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ЮМОРА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье рассматривается специфика сталинского юмора. К основным его характеристикам автор относит следующие: похвала насилию, высмеивание слабых, ложь, показная искренность и беспардонное отрицание истины. В сталинской иронии выделяются три типа: смех «на экспорт», высмеивание «грамотеев» и смех «верховный». Первый тип пропитан ненавистью и сводится к инвективам. Для второго характерны самодовольство и провокация. Третий тип соответствует бюрократическим стандартам и имеет целью связать верхи и низы общества. Как полагает автор, И.В. Сталина следует считать злым клоуном.

Ключевые слова: политический юмор, комическое, ирония, смех, политическое шутовство, клоунада, И.В. Сталин.

Шанс посмеяться

В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» Сталин представлен дураком или шутом. Такой художественный приём не оригинален. Ещё перед второй мировой войной Чарли Чаплин изобразил тирана дураком. В фильме «Диктатор» он пародировал Гитлера или Муссолини. Дать художественное воплощение дуче было несложно — актёр мог пользоваться обычным реализмом при отражении прототипа. С Гитлером дело было сложнее. Он представлялся истерическим трагиком. И стремился внушить публике, что принадлежит к «униженным и оскорбленным». Поэтому Чаплин ограничился высмеиванием физиономии и жестикуляции тирана.

Но над Гитлером смеялись перед войной и в ходе войны. Ему посвящались карикатуры, прозвища, анекдоты. После войны смех прекратился. Согласно Канту, природа смеха заключается в разрешении напряжённого ожидания в ничто. Речь идёт о диспропорции между поведением и ситуацией. У Гитлера такой диспропорции не было. Его жестикуляция напоминала пляску святого Витта и с неё до поры до времени смеялись. Едва увидели за ней тысячи эшелонов, везущих людей со всей Европы в германские крематории, стало не до смеха. Оказалось, что Гитлер не врал и всегда был искренен.

На основе этого факта Теодор Адорно провозгласил: после Освенцима смех стал невозможен. В этом есть определённый смысл, поскольку смех рассматривался как компенсация разлада общества с самим собой. Плебейская культура и смех Рабле, Тиль Уленшпигель и

Ламме Гудзак — таковы были обычные методы реакции людей на социально-исторические гримасы. После первой мировой войны возникли литературные шедевры «Похождения бравого солдата Швейка» и «Кола Брюньон», комедии немого кино, теории смеха Хойзинги, Берсона, Бахтина. После второй мировой войны не создано ничего, достойного внимания в сфере «парадигмы смеха». Поскольку такая ситуация сохраняется до сих пор, не является ли она отдаленным последствием войны?

Действительно, у Гитлера не было чувства юмора. Неизвестны случаи, когда он рассмешил аудиторию. Сталин смешил публику почти в каждом выступлении. Значит, смех зала доставлял ему удовольствие.

Отсюда не следует, что Сталин был классиком смеха. Вождь с трубкой и в сапогах был политиком умеренным — всю жизнь защищал союз с середняком. По этой причине его самого надо воспринимать как посредственность. Смешно считать Сталина бедняком юмора или кулаком смеха. Среди вождей революции и гражданской войны он был середняком юмора.

В то же время не стоит слепо повторять Чаплина или Абуладзе, представляя Сталина шутком или дураком. Шут всегда смешон изнутри. Сталин смешным не был, а был бесконечно скучен и банален. Перед его преступлениями с него никто не смеялся — не было повода. А после преступлений уже некому было смеяться.

Прошло уже более шестидесяти лет после того, как вождь сошёл в могилу. Давно открылся исторический шанс — посмеяться теперь или никогда. Но к Сталину относятся по-прежнему серьёзно. Поэтому возникает вопрос: какова структура сталинского политического комизма? Советский вождь имел чувство юмора, поскольку он был клоуном. Не шутком и не дураком, как пытались убедить нас в кино, а именно клоуном. В чем же состояла его политическая клоунада?

Классик политической клоунады

Сталинский юмор не был юмором обычного человека, а юмором победителя. В первых томах его сочинений нельзя обнаружить ни статей, ни речей, которые могут кого-либо рассмешить. Стенограммы выступлений при жизни Ленина тоже не содержат ремарок о том, что оратор рассмешил аудиторию. Смех появляется после смерти Ленина, нарастает в ходе борьбы с оппозицией и достигает апогея по её окончании.

Поэтому можно сказать: юмор Сталина расцветает по мере обострения классовой борьбы и в полном виде проявляется, когда он становится первым лицом в партии и государстве. Именно в это время его сочинения пестрят ремарками: «Аплодисменты», «Аплодисменты, переходящие в овацию», «Смех», «Общий смех», «Зал встаёт и устраивает овацию тов. Сталину». Короче говоря, жить становилось веселей по мере того, как жизнь становилась лучше. Значит, проблема остаётся: что оратору доставляло большее удовольствие — вызвать аплодисменты или смех? Здесь мы обречены на домыслы, которые уже никогда не дождутся окончательного подтверждения или опровержения.

В то же время косвенные доказательства позволяют предположить, что аплодисменты были важнее, поскольку они воплощали всё более громкое эхо стрельбы по врагам народа. Смех оказался заменителем выстрелов. Разве взрыв коллективного смеха не напоминает артиллерийскую канонаду? И разве не сказал товарищ Сталин, что артиллерия — бог войны? Поэтому аплодисменты и смех соотносятся так, как прелюдия и финал в музыкальном произведении. Аплодисменты образуют главный пункт политической композиции, они звучат в начале и в конце. Смех занимает подчинённую роль, он звучит только в середине. Отсюда нетрудно заключить: сталинская концепция смеха является имманентной. Смех существует только там, где его бытие определено союзом с середняком в личном исполнении — интеллектуальной посредственностью вождя.

Историки сталинизма обнаружили множество статей, обсуждающих продукцию инженеров человеческих душ и размышляющих над вопросом: может ли коммунист мечтать? Успокоим читателя: да, может. Но только авторитет Ленина склонял чашу весов в сторону такого ответа. В то же время такой ответ соответствует сталинской концепции человека.

Каждый советский человек может обладать надеждой на лучшее будущее, любовью к нашей советской родине и верой в своих вождей. То есть, советская власть культивировала христианские ценности — надежду, веру и любовь. Нельзя ли их распространить и на природу смеха? Проблема непростая. Ильф и Петров её почувствовали в фигуре писателя, задающего сердитый вопрос: «Что за смешки в реконструктивный период?» При Сталине были устранены любые формы социальной сатиры. Это доказывает, что вождь и его идеологи типа Жданова были согласны с христианской концепцией греховной природы смеха. Те, кто рассказывал политические анекдоты, рассматривались как несознательные граждане, способные к измене Родине. Поэтому лучше их спрятать за колючую проволоку...

Так проблема юмора приобретала серьёзное политическое значение. Разве не предупредил товарищ Сталин, что только отъявленные враги могут сомневаться в цифрах, которые иллюстрируют улучшение положения рабочих и крестьян в СССР? Разве не говорил в самый разгар голодомора, что революция 1917 года, свергнувшая капитализм, не имела бы смысла, если бы большевики не достигли того, что страна живёт всё лучше и краше, а социализм не означает бедности и нищеты населения? Поэтому люди, рассказывающие анекдоты, рассматривались как грешники, которые грызут втихую яблоки, сорванные с дерева познания добра и зла. Поэтому их надо изгнать из советского рая, хотя они возвели не одну стройку социализма...

Но не буду расщеплять волос на четыре части для ответа на вопрос: сколько дьявольских шуток может поместиться на конце иглы? Вне сомнения, там находится сталинский юмор. Это вечный и суровый образец, подобно наконечнику копья. Юмор — дело серьёзное, ибо он вытекает из классовой борьбы и служит ей. Поэтому на юмор нельзя смотреть с интеллигентской нерешительностью и колебанием. Смех бывает только наш и не наш. Существует строгая кодификация — кто, где, когда и как должен смеяться, чтобы смех был наш. Самое важное в том, с кого смеяться? Ведь вождь всегда смеялся над конкретными людьми. Значит, его смех не является абстрактным: объект смеха всегда можно назвать по фамилии.

Правда, бывает и так, что кроме конкретных смешных людей есть более общие объекты смеха, из-за чего смех становится более абстрактным. Поэтому индукция — неустранимый элемент сталинского юмора. Вот здесь и возникает серьёзная политическая проблема: кто из адресатов абстрактного смеха мог чувствовать себя безопаснее: тот, кого смех охватывал под рубрикой «и другие», или тот, кто к «другим» не относится? Независимо от ответа проблема смеховой индукции может быть уподоблена мурашкам по коже или дрожь в зубах.

Не исключено, что когда-нибудь возникнет статистический ежегодник культуры сталинской эпохи. В нем будет точно указано, сколько трагизма, лиризма, комизма и героизма помещалось в различных сферах советской семейной, общественной, политической и духовной жизни. Тогда мы убедимся, что смех при Сталине занимал не последнее место. Во всех предприятиях и учреждениях — от министерства до захолустной конторы — вывешивались молнии. В них высмеивались бракоделы, спекулянты, бюрократы, оппортунисты, шпионы, империалисты. В каждой газете был «Уголок юмора и сатиры». Снимались комедии типа «Волга-Волга», существовали сатирические журналы, сочинялись весёлые и забавные песенки. Правда, смех Зощенко вызывал всё большее сомнение. Наконец, приняли решение, что его смех не наш. «Баня» Маяковского исчезла со сцены, зато конструктивного смеха хватало. Можно даже выдвинуть гипотезу: юмористы и сатирики лучше отражали эстетический вкус вождя, чем поэты, прозаики, композиторы и учёные. За исключением Лысенко, который затронул душу политика-юмориста. В период холодной войны сатира стала составной частью митингов и парадов. Сам нёс однажды на парад плакат, на котором было написано: «Куда

конь с копытом, туда ИРАК с клешней» — по поводу вступления Ирака в какой-то военно-политический союз.

Советский комизм был массовым. С психологической точки зрения можно построить классификацию этого комизма с точки зрения типов личности, темпераментов, характерологических особенностей, не говоря уже о психопатах. Хорошо известно, что существует юмор параноиков, шизофреников, маньяков. Но чувство юмора связывает не только различные типы личности, а целые исторические эпохи. На основании этого принципа Сталин действовал как клоун.

Он постоянно смешил и срывал аплодисменты зрителей. Стало быть, политический клоун и зрители политического цирка были одним советским коллективом. Но здесь вдруг пришла на ум мысль: большая часть зрителей состояла из тех, кто вскоре должен быть расстрелян и уже взят на мушку.

Вот в 1930 г. Сталин смеётся над тремя будущими жертвами: «Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что они не сумели обойтись без тезисов, не сумели обойтись без документа, за который придётся потом отвечать: „Сколько раз я вам говорил — делайте, что хотите, но не оставляйте документов, не оставляйте следов“ (*Гомерический смех всего зала. Продолжительные аплодисменты*)»¹.

Участники действия смеются над тем, что ожидает их завтра или послезавтра. В этом и состоит загадочность советского смеха — коллективная податливость на зловещие шутки первого лица государства, всеобщий взрыв хохота. Но мы находимся не в психушке, а на съезде партии. Эстетический катарсис предполагает гомерический смех после трагедии. В Советском Союзе мы слышим его до трагедии. Ничего подобного Аристотель не мог вообразить.

Значит, надо учитывать природу политического зала, в котором звучат речи Сталина и развёртывается его политическая клоунада. Это сборище людей приобретает свойства субъекта смеха: «Зал встаёт с мест», «Зал реагирует криками», «Зал оживляется». В то же время публика умеет ранжировать эмоции, в зависимости от положительной или отрицательной оценки высказываний вождя. Когда Сталин говорит: «А все-таки мы, старые большевики, не самые плохие люди, товарищи», — это вызывает в зале весёлое оживление и длительные аплодисменты. Не взрыв энтузиазма, а только оживление. Реакция зала тонирована и дифференцирована. Но это смех жертв. Политический клоун развлекал завтрашних смертников и лагерников.

Как ползать на брюхе?

При изучении сочинений Сталина бросаются в глаза три особенности сталинского комизма: похвала насилию; высмеивание слабых; ложь. Таковы его главные приёмы рассмешить аудиторию. Два первых хорошо известны: смешно подставить кому-то подножку, тайком налить в ботинок воды или вставить меж пальцев ноги спящего человека бумажку и поджечь ее. Тогда как третий приём смеха ещё не является завершённым путём. Его надо пройти, чтобы ничего не потерять из вклада Джугашвили в теорию и практику политического юмора, включая его нынешние коннотации.

В сталинских речах глагол «бить» включает следующие модификации:

1. «Наклась»: «Рабочие с полным основанием скажут: «значит оппозиционеры хотят драться и впредь, значит мало им наклали, значит надо их и впредь бить» (*Смех, возгласы: «Правильно!»*).

2. «Дать по хребту»: «Приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в прошлом заслуги, но страдающих теперь бюрократической болезнью... За старые

¹ Здесь и далее цитаты даются по сочинениям И.В. Сталина. — М., 1949–1953 гг. Т. 1–13. Нравнодушные к «кремлёвскому горцу» могут проверить <http://grachev62.narod.ru/stalin>.

заслуги следует поклониться им в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту» (*Смех, аплодисменты*).

3. «Подтолкнуть»: «Что хочет Троцкий собственно сказать, подчёркивая этот факт? Может, хочет идти за хорошим примером и заняться, наконец, исправлением многочисленных собственных ошибок?» (*Аплодисменты, смех*). Что ж, я готов его подтолкнуть и помочь ему» (*Аплодисменты, смех*).

4. Больше всего вождю нравится глагол «гнать палкой». Здесь Сталин идёт вслед за Лениным: «Вы знаете, что Каменев и Зиновьев шли на восстание из-под палки. Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии (*Смех, аплодисменты*), и они вынуждены были волочиться на восстание» (*Смех, аплодисменты*).

Стало быть, сталинская аудитория веселилась от битья. А ведь это были лучшие люди партии, делавшие революцию. Битье нередко связано с пренебрежением сильных к слабым. Какой же из поводов для смеха является главным: ощущение бессилия объекта смеха, после чего у субъекта возникает желание «дать» ему как следует, или же генсек всегда чувствовал желание «дать» тому, кто слабее? В каталоге шуток, которыми пользуется Сталин по отношению к своим противникам (прежним соратникам), чаще проявляется осознание их слабости и бессилия, чем желание просто «вогнуть им ума в задние ворота».

У Сталина на первом плане стоит осознание бессилия объекта смеха. Существует криминологическая теория, согласно которой жертва сама провоцирует нападение. В этом случае мы имеем дело с немотивированным и незаинтересованным насилием. Но здесь единообразия нет.

Существует относительное (по сравнению с сильным) и абсолютное (при отсутствии сравнений) бессилие. Относительное бессилие политического противника как объекта смеха существует в количественной и качественной формах.

Вот пример первой: «Конечно, немного смешно, когда эта маленькая донкихотская группа, едва собравшая в продолжение четырёх месяцев около тысячи голосов, если эта маленькая группа угрожает миллионной партии: „я тебя вымету“. Можете судить, до чего плачевно положение группы Троцкого, если она, работая в поте лица в продолжение четырёх месяцев, едва сумела собрать около тысячи подписей. Я думаю, что любая группа оппозиционеров могла бы собрать несколько тысяч подписей, если бы она умела работать. Повторяю: смешно, когда эта маленькая группа, где лидеров больше, чем армии (*Смех*), проработавшая целых четыре месяца и едва собравшая около тысячи подписей, если эта группа угрожает миллионной партии: „я тебя вымету“» (*Смех*).

Количественное противопоставление Голиафа и Давида с явным пренебрежением к Давиду проясняется в другом контексте: «Оппозиция сигнализирует нам об опасностях, о трудностях, о „гибели“ нашей страны. Вот уже действительно „сигнализаторы“, спасающие партию от „гибели“, когда сами гибнут и действительно нуждаются в спасении! Сами еле на ногах стоят, а лезут спасать других! Не смешно ли это, товарищи?» (*Смех*). Представьте себе маленькую лодку, которая еле держится на поверхности моря и вот-вот должна погибнуть, и представьте себе великолепный пароход, который мощно прорезает волны и уверенно двигается вперёд. Что бы вы сказали, если бы эта маленькая лодочка сунулась спасать громадный пароход?» (*Смех*).

Можно сказать, что сталинский смех над меньшинством является продолжением ленинского сарказма в отношении большевиков к меньшевикам. Но этот смех не появлялся тогда, когда сами хохочущие ещё были маленькой лодкой по сравнению с громадным кораблём Российской империи. Теперь они стали мощным кораблём и «режут волну». Давид превратился в Голиафа и на его устах торжествующая улыбка: мир лежит у его ног, и всё в мире ползает по земле.

Поэтому качественная форма объекта смеха связана с другим глаголом: «Прошло несколько лет, — и Троцкий отказался от этих своих взглядов на большевистскую партию. И

не только отказался, но приполз на брюхе к большевистской партии, войдя в неё как один из её активных членов» (*Смех*).

Почти со столетним опозданием можно сказать: смейтесь, смейтесь, скоро вы посмеётесь за колючей проволокой. Но значительно важнее образ «ползать на брюхе». Вот и я поползу по ландшафту сталинского юмора. В таком положении мне будет легче обнаружить врага в состоянии полного и окончательного поражения, брошенного на землю, униженного и растоптанного.

С точки зрения качества враг смешон двояко: когда он сам споткнулся и перевернулся и когда он придавлен к земле победителем. В 13-м томе сочинений Сталина трижды встречается и вызывает взрыв смеха глагол «надавить»: «Неудивительно поэтому, что у съезда создано определённое впечатление: пока не нажмёшь на этих людей, ничего от них не добьёшься... (*Общий смех. Продолжительные аплодисменты*). Что же тут удивительного, если съезд сделал из этого определённый урок: не нажавши на этих людей, ничего от них не добьёшься... (*Общий смех. Аплодисменты*). Что же удивительного, если съезд попытался надавить как следует на этих товарищей, чтобы добиться от них выполнения их обязательств» (*Аплодисменты. Общий смех всего зала*).

Если придавленный жалуется, то уже сама жалоба вызывает смех. Нужно подержать его в придавленном положении как можно дольше, а не уничтожать сразу. Поздний сталинизм имеет на своём счёту даже отмену смертной казни. Но об этом ещё ничего не знает Томский и жалуется, давая повод повеселиться. «Разговоры Томского насчёт того, что его хотят послать в пустыню Гоби и заставить есть дикий мёд и акриды, есть пустые прибаутки провинциально-водевильного характера, не имеющие ничего общего с вопросом о достоинстве революционера» (*Смех, аплодисменты*). Кроме унижения здесь уже явное отрицание истины. Но это не единственный пример.

С точки зрения победителя побеждённые всегда выглядят низшими существами, поэтому о них можно говорить как о дворниках: «Грубо говоря, Каменев взял на себя роль, так сказать, дворника у Троцкого (*Смех*), прочищающего ему дорогу». Речь идёт о подметании пути перед Троцким, который ползёт на брюхе. Образ забавный, с учётом того, что Сталин находит ему сферу применения: «Пора понять, что оппозиционеры не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты» (*Смех, аплодисменты*). Сталин здесь подбрасывает идею киношникам — изобразить революционера, ползущего на брюхе.

Сталин говорит также о кастрации политических противников: «Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева — она оскопила себя, лишила себя силы. Получилось сложение сил оскопленных» (*Смех, продолжительные аплодисменты*). Встречаются обвинения противников в трусости: «Зашуршал где-либо таракан, не успев ещё вылезть как следует из норы, а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти» (*Общий хохот*).

Орнитологическая метафорика — следующий способ высмеивания противников: «Я хорошо помню, как в Политбюро, в присутствии тов. Ленина, Троцкий утверждал, что „кукушка уже прокуковала“ дни и часы существования Советской власти (*Смех*)... Я не знаю, куковала тогда кукушка или не куковала. (*Смех*.) Но если она куковала, то надо признать, что куковала она неправильно (*Аплодисменты, смех*). Но вы все видите, товарищи, что революция живёт и здравствует, а гибнут другие. Так они куковали и куковали и докуковались, наконец, до ручки» (*Смех*). Здесь насмешка, ругань, обвинения сводятся к низведению противника до размеров кукушки.

Сталин унижает противника: «Пытаясь создать новую партию, вторую партию, оппозиция, по сути дела, занимается ребяческой игрой в партию, ребяческой игрой в ЦК, в областные бюро и т. д.» (*Смех. Аплодисменты*). Здесь вождь партии обретает уже патерналистское достоинство.

Возникает вопрос: зачем в отношении детских игр использовать широкие репрессии? Этот вопрос выходит за пределы сознания Сталина и его «зала». Если кто-то слаб, именно в этом и состоит причина, чтобы его покрепче прижать, отлупить, придавить, толкнуть, гнать палкой. Но Сталин никогда не говорит о том, чтобы окончательно разбить врага: в строгом соответствии со своей практической мудростью — враг уже разбит, но ещё не добит. Что лишний раз доказывает: мы находимся не в кино.

Весёлая вдова

В чём же специфика сталинского юмора? В искренности и беспардонном отрицании истины. Позу искренности на политической сцене культивировали многие демагоги. Мотив «признания» и публичной «исповеди» регулярно встречается в риторике Муссолини и Гитлера. У последнего высказывания о себе напоминают мелодраматический эксгибиционизм. Этот приём использовался постоянно, поскольку он вызывал симпатию слушателей. Но гитлеровские речи вызывали симпатию, а не смех толпы. Тогда как Сталин многократно так высказывался о себе, что это вызывало общий смех. Данное явление трудно понять в такой, например, ситуации: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, я этого не отрицаю». Или в такой: «Я, грешный человек... страдаю некоторым недоверием». Обе фразы вызывали смех всего зала, а ведь слушатели знали хорошо, что сталинская грубость проявлялась в рукоприкладстве, а сталинское недоверие — зародыш маниакальной подозрительности параноика, которой никто не смог противостоять. Значит, в такой грубости и недоверии публика видела свои собственные черты. Подозрительность как политическое качество обычно обуславливается подпольным характером деятельности. А революция в России была прямым и не связанным никакими законами насилием. Поэтому неудивительно, что реакция зала на сталинское признание в грубости и недоверии просто отражала солидарность публики с вождём.

Обычно принадлежность к аппарату власти, особенно к репрессивным органам, порождает во властвующих чувство безнаказанности, поскольку аппарат является господином общества. Вследствие этого грубость становится общим свойством психологии лиц, осуществляющих власть. Ленин считал, что безнаказанность власти порождает «простой обывательский взгляд русского человека: „Нашли чему удивляться! Убили пьяного мужика в части! То ли ещё у нас бывает!“ И обыватель указывает вам десятки случаев, несравненно более возмутительных и при этом проходящих для виновников безнаказанно. Указания обывателя совершенно справедливы, и тем не менее он совершенно неправ и обнаруживает своим рассуждением крайнюю обывательскую близорукость» [Ленин 1967: 412]. Если публика смехом одобряет признания вождя в грубости, то это доказывает обывательскую близорукость самой партии.

Можно понять смех делегации американских рабочих. В 1927 году они приехали в СССР и накануне отъезда были у Сталина: «По возвращении, — говорили рабочие, — нас будут спрашивать о данных разногласиях (в РКП(б). — В.М.), но мы не обладаем всеми документами. Нет у нас, например, „платформы 83-х“. Сталин уходит от вопроса и нагло врёт: „Я этой платформы не подписывал. Не имею права распоряжаться чужими документами“».

В данном случае лжёт творец гигантской тайной империи личных дел, которая собирала и сосредоточивала компрометирующие материалы на кого угодно. Он был властителем громадной системы надзора над гражданами, человеком, создавшим паучью сеть номенклатуры.

Этот тип юмора базировался на «искренности». В нем можно обнаружить фрагменты, до сих пор вызывающие улыбку. Лучшим из них является анекдот периода ускоренной индустриализации: «Два года тому назад я получил письмо с Волги от одной крестьянки-вдовы. Она жаловалась, что её не хотят принять в колхоз, и требовала от меня поддержки. Я запросил колхоз. Из колхоза мне ответили, что они не могут её принять в колхоз, так как она

оскорбила колхозное собрание. В чем же дело? Да в том, что на собрании крестьян, где колхозники призывали единоличников вступить в колхоз, эта самая вдова в ответ на призыв подняла, оказывается, подол и сказала — нате, получайте колхоз (*Весёлое оживление, смех.*). Несомненно, что она поступила неправильно и оскорбила собрание. Но можно ли отказывать ей в приёме в колхоз, если она через год искренне раскаялась и признала свою ошибку? Я думаю, что нельзя ей отказывать. Я так и написал колхозу. Вдову приняли в колхоз. И что же? Оказалось, что она работает теперь в колхозе не в последних, а в первых рядах» (*Аплодисменты*).

Моя улыбка вытекает из допущения, что анекдот целиком соответствует истине. С единственной поправкой: реакции слушателей надо поменять местами. Там, где речь идёт о весёлом оживлении, поставить аплодисменты, а там, где об аплодисментах — поставить смех. Но разве сегодня скажет кто-нибудь, какие чувства обуревали руководящие органы партии, принявшей решение о сплошной коллективизации? Вдова искренне признала свою ошибку спустя год. Авторы этого решения не покаялись до сих пор.

Весь блеск и нищета сталинского юмора подтверждаются в ситуациях, когда генеральный секретарь развлекает международное общество: рабочие делегации, журналистов, писателей, политиков. Вот как он смешил американскую делегацию подозрениями, что всё мировое коммунистическое движение находится под руководством Коминтерна: «Есть люди, которые думают, что члены Коммунистического Интернационала в Москве только и делают, что сидят и пишут директивы для всех стран. Так как стран, входящих в состав Коминтерна, насчитывается более 60, то можете себе представить положение членов Коминтерна, которые не спят, не едят и только и делают, что сидят и пишут днём и ночью директивы для этих стран».

Выводы

В эпоху сталинизма смех не был запрещён в советском обществе. Особенно это касается верховного смеха. Его раскаты, интонация и эстетическая неподражаемость спускаются в серую массу номенклатуры. Но смех не был директивой. Его можно уподобить солнечным лучам, поскольку вершина власти культивировала оптимизм, порождавший идеал советского человека.

В соответствии с этим идеалом гражданин должен быть энергичным, гордым и принципиальным деятелем, готовым по приказу броситься в огонь и в воду. Такие образы содержит искусство сталинской эпохи: кино, театр, книги, плакаты, массовая песня. Искусство тиражирует образы физически мощных работяг с буйной шевелюрой, военных с выражением абсолютной готовности на лице, девиц с румянцем во всю щеку, служак-аппаратчиков в плащах, из бокового кармана у них торчит центральная газета, как пистолет в кобуре.

Лица этих людей выражают неопределённую радость жизни, безграничный оптимизм и веру. Радость жизни образует психологический и эстетический базис, над которым возносится смех как надстройка. Но содержание и цель смеха строго регламентированы: он должен быть громом и молнией, поражающей враждебные силы. Последние всегда персонифицированы. Главной враждебной силой является бюрократизм, но искусство критикует конкретного бюрократа. Этот приём есть разновидность сталинского метода унижения противника.

Определение сталинизма как бюрократического перерождения советской власти принадлежит Троцкому. Однако никто не боролся с таким размахом с бюрократизмом, как товарищ Сталин. Гонение на бюрократов было дымной завесой над гигантской системой учреждений и должностей. Сталинская и троцкистская критика бюрократии была просто рецидивом революционной штурмовщины — различного рода спонтанных действий, которые стремились приспособить к разрастающейся гидре бюрократии. Коловращение бумаг в ней не поспевало за атмосферой казённого энтузиазма и оптимизма. Вербальная критика бюрокра-

тизма образует специфическую черту сталинизма. Бюрократа постоянно бьют, мстят и угрожают бичом сатиры. Он становится козлом отпущения, отягощённым всеми грехами. Но эта критика ничего не меняла в характере политического режима. Смех над бюрократом был игрой на публику и разновидностью искусства внутренней дипломатии. С его помощью Сталин завоёвывал популярность в народе, затрагивая тайные струны массовой русской души, недоверчиво относящейся ко всяким белоручкам. Государственный чиновник отождествлялся с интеллигентом и должен был чувствовать себя хуже и ниже коллеги из партийного аппарата.

Сталинский смех можно разделить на три сорта: экспортный, антиинтеллектуалистский и верховный.

Смех на экспорт переплётен с ненавистью и руганью. Она направлялась против вражеских генералов и капиталистов. Первые обычно изображались с толстым пузом, тоненькими ножками, крохотной головкой под громадной фуражкой и орденом иконостасом на груди. Капиталисты немногим отличались от генералов: ножки у них были ещё короче, сборку громадный мешок с деньгами и сигара в зубах. Раскаты такого хохота подобны пулемётным очередям и артиллерийским залпам.

Смех по отношению ко всяким грамотеям, колеблющимся оппортунистам и фракционерам был провоцирующим и самодовольным. То был смех победителя, подобный молнии, которая в народных сказках всегда считалась признаком гнева богов.

Верховный смех целиком соответствует бюрократическим стандартам. Его принципы обязательны внутри аппарата власти: высшие уровни имеют право высмеивать глупость низших. Механизмы отрицательной селекции быстро дали результаты — в аппарате управления государством множился тип болтунов, оппортунистов, идиотов. Поэтому вершине власти было над кем посмеяться.

Вот на XVII съезде партии Сталин развлекает публику рассказом об идиотизме аппарата. «Я: как у вас обстоит дело с севом? Он: С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались. (Смех). Я: Ну, и что же? Он: Мы поставили вопрос ребром. (Смех). Я: Ну, а дальше как? Он: У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом. (Смех). Я: А все-таки? Он: У нас намечаются сдвиги. (Смех). Я: Ну, а все-таки, как у вас с севом? Он: С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин. (Общий хохот). И когда, — продолжает вождь, — снимаешь с постов таких болтунов, отсылая их подальше от оперативной работы, они разводят руками и недоумевают: „За что же нас снимают? Разве мы не собрали слёт ударников, разве мы не провозгласили на конференции ударников лозунгов партии и правительства, разве мы не избрали весь состав Политбюро ЦК в почётный президиум (общий смех), разве не послали приветствие товарищу Сталину, — чего же ещё хотите от нас?“» (Общий хохот).

Удивительное дело: публика падает со смеху, прекрасно зная, что вождь говорит абсолютную правду о повседневной деятельности аппарата власти. Зал прекрасно понимает, что карикатурное положение вещей, рассказанное Сталиным, является всеобщим. Отсюда можно заключить, что верховный смех связывает верхи и низы. Он является в той же степени верховным, в которой низовым и конспиративным. Он образует способ посвящения публики в политическое таинство и государственный разум: между собой мы можем говорить все! Но этот смех не лишён и весёлого невежества: мы смеёмся, хотя хорошо знаем, что управляем страной плохо, ну и что из того? Кто нам что сделает? И здесь уже возникает связь морали с политикой и юмором: наша сила настолько велика, что мы можем и посмеяться между собой!

Способность смеяться — отличительная черта человеческого рода. Аристотель поднял её до ранга высших этических добродетелей. Он полагал, что тактичная шутка выражает меру между глупостью и невоспитанностью. Аристотель относил к дуракам тех, кто считает, что им можно высмеивать всё и вся, а к невоспитанным тех, кто руководствуется принципом: «Я шуток не понимаю и другим шутить не позволю».

Юмор Сталина не помещается ни на полюсах, ни за пределами аристотелевской типологии. В нем связаны характеры соглядатая и полицейского, глупого и невоспитанного чело-

---

века. Но глупым Сталина не назовёшь. Куда же его отнести? Я думаю, к клоунам. Глава СССР был просто злым клоуном.

В этом смысле смех стал необходимым элементом советского образа жизни. Смех дисциплинировал и интегрировал общество вокруг поставленных социальных целей, связывал вождя и с партийно-государственным аппаратом. Смех вошёл в политическую культуру общества, шагнувшего от революции и гражданской войны к «нормальному» состоянию, которое определялось политическим ненормальным человеком. Этот процесс неразрывно связан с аналогичными явлениями в Европе 1920–1940-х гг. Там тоже использовали смех для подготовки жертв и зрителей к предстоящим массовым репрессиям. Но об этом надо писать особую статью. Пока ограничусь общим выводом: деятельность первых лиц государства можно рассматривать с точки зрения влияния на них образцов сталинского юмора.

Ленин В.И. 1967. *Полное собрание сочинений*. Т. 4. — М.: Изд-во политической литературы.

Сталин И.В. 1949–1953. *Сочинения*. — М.